

УДК 811. 512. 111+373. 611

**К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОЖНОГО СЛОВА
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ**

**ON IDENTIFICATION OF A COMPOUND WORD
IN THE CHUVASH LANGUAGE**

Г. Н. Семенова

G. N. Semenova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И. Н. Ульянова», г. Чебоксары*

Аннотация. В данной статье ставится цель рассмотреть основные принципы идентификации сложного слова в тюркских языках, в том числе и в чувашском языке. Приводится определение термина «сложное слово» учеными-тюркологами, в результате чего становится ясным, что при определении данных единиц важными признаками цельноформленности являются семантическое единство при лексической знаменательности частей композита, стирание грамматических отношений между частями сложного слова, акцентологическое единство. Подчеркивается, что особенно уязвимо понятие цельноформленности в орфографическом отношении, оно вызывает разные толкования у лингвистов, занимающихся исследованиями в данной области на материале других языков. На наш взгляд, это продиктовано рядом объективных причин, а именно: а) недостаточной изученностью вопросов словосложения во многих языках (в том числе и в чувашском), б) противоречивым характером самих исследуемых единиц, отсутствием в тюркологии единого взгляда на природу сложных слов. Для чувашской орфографии сложным и противоречивым является вопрос о слитном и раздельном написании, что вызвано сложностью и нерешенностью центральной для всей лингвистической науки проблемы разграничения слова и словосочетания. В статье анализируются сложные слова, соотносимые с изафетными сочетаниями (именно сложные слова этой модели в чувашском языке продолжают оформляться двояко). Делается вывод, что орфографическое оформление сложного слова должно основываться на объективных закономерностях языка, должны быть максимально учтены фонетические, грамматические и иные особенности исследуемого языка.

Abstract. The article is aimed at reviewing the basic principles of identifying a compound word in Turkic languages and in as much as the Chuvash language. The definition of the term “a compound word” by turcologists is presented which results in a clear-cut understanding that for defining these lexical units as inseparable the following indicators are of importance, viz. their semantic unity in defiance of the significance of the constituent parts of the composite, the obliteration of grammatical relations between the constituents of a compound word, the accentual unity. It is pointed out that the concept of inseparability is particularly “vulnerable” from the orthographic point of view so that it is interpreted differently by the linguists researching the problem in other languages. The difference of opinions is accounted for by a number of objective causes, viz. a) the lack of researches of the problems on composition of words in many languages as well as in the Chuvash language; b) the contradictory nature of the units under the review and the absence of a unified point of view concerning the phenomenon of compound words in turcology. Rather complicated and contradictory for the Chuvash orthography is the problem of inseparable, semi-separable and separable writing resulting from the complexity of the problem of delimiting a word and a combination of words and the failure to solve it by the linguistic science. The compound words correlating with izafat combinations are

analyzed in the article as it is these compound words of this pattern in the Chuvash language that are composed in two ways. At the end it is summed up that the composition of a compound word is a complicated process. The orthography of the composites should be grounded on the objective laws of a language. Phonetic and grammatical characteristics as well as other peculiarities of a language under review should be taken into account.

Ключевые слова: *идентификация, атрибутивная связь, критерии разграничения сложных слов, акцентологический принцип, орфографический принцип сложных слов, цельнооформленность, раздельнооформленность, чувашская орфография, логическая категория, языковая категория, словообразовательная модель, первый тип изафета, второй тип изафета.*

Keywords: *identification, attributive connection, criteria of delimiting compound words, inseparability, separability, Chuvash orthography, logical category, linguistic category, word-formation model, izafat of the first type, izafat of the second type.*

Актуальность исследуемой проблемы. Научное осмысление природы чувашского сложного слова на сегодняшний день нельзя признать состоявшимся. Существует острая необходимость рассмотрения данной проблемы с точки зрения практической реализации этих единиц в языке, в чем заключается и актуальность настоящего исследования.

Материал и методика исследований. Объектом исследования послужили именные сложные слова (компози́ты) подчинительного или детерминативного плана, соотносимые с изафетными сочетаниями первого и второго типа, распространенными и в других тюркских языках. Эти модели позволили наиболее полно представить объем и специфику чувашского именного словосложения, поскольку составляют его основной фонд. Исследование проводилось в ретроспективном и перспективном планах. В соответствии с этим были использованы методы словообразовательного анализа и синтеза, метод декомпозиции, который состоит в отыскании словосочетаний, синтаксически и семантически соотносимых со сложными словами.

Результаты исследований и их обсуждение. Существующее научное осмысление природы чувашского сложного слова, предложенное в существующих грамматических исследованиях, трудно считать удовлетворительным. В них нет единой терминологии, сложные слова рассматриваются вне системы и вне общих закономерностей, присущих данной категории единиц. Существует и острая необходимость рассмотрения проблемы сложного слова с точки зрения практической реализации этих единиц в языке. Это прежде всего проблема идентификации сложного слова, которая, в свою очередь, связана с разработкой большого комплекса проблем, а именно: 1) генезиса данных единиц, 2) семантики сложного слова, 3) связи словосложения с морфологическими и синтаксическими категориями, 4) раздельно- или цельнооформленности сложного слова, 5) орфографирования и лексикографирования данных полноправных единиц языка (существование непоследовательности в правописании разных типов сложных слов, отсутствие единых принципов отбора и подачи их в словарях).

Определение сложного слова встречается во многих исследованиях как по общему языкознанию, так и по конкретным языкам. Так, можно исходить из морфологических позиций; тогда всякое слово, состоящее из двух или более полнозначных основ, будет сложным словом. Со словообразовательных позиций важно, является ли двусловное слово результатом сложения или же продуктом какого-то другого процесса. Ясно, что для изучения словообразовательного процесса и языковой практики важно выяснить характер

этого процесса при анализе лексических единиц. Далее, если опираться на такие понятия, как устойчивость лексической единицы и ее воспроизводимость, то только те лексические единицы заслуживают статуса слова, в том числе и сложного, которые так или иначе закрепились в словаре и воспроизводятся в речи, а все так называемые потенциальные лексические единицы, которые формируются в речи и распадаются на составные части (как свободные сочетания), не получают статуса сложного слова.

Приведем несколько определений сложного слова тюркскими, в том числе чувашскими, исследователями. Известный чувашский ученый-языковед В. Г. Егоров в работе о словосложении пишет следующее: «Сложным словом мы называем лексическую единицу, составленную из двух или более слов, находящихся в определенном семантическом отношении друг с другом, обозначающую одно определенное понятие, по значению в большинстве случаев не тождественное с входящими в его состав частными понятиями, формально объединенную одним ударением и имеющую одно общее окончание» [6, 15]. Исследователь татарского языка Ф. А. Ганиев за основу берет следующее определение: «Сложное слово – лексическая единица, состоящая из двух и, редко, более корневых морфем с суффиксами и без них, объединенных семантически, морфологически и акцентологически» [5, 24]. С. Н. Муратов, опираясь на факты башкирского, татарского, чувашского, турецкого, туркменского и некоторых других тюркских языков, определение сложного слова формулирует следующим образом: «Сложными словами в тюркских языках называются словарные единицы: 1) возникавшие в прошлом и формирующиеся в настоящем по заданиям лексики и грамматики (слово- и формообразования) путем объединения двух или более простых слов (корневых или производных, простых или сложных) в устойчивые сочетания на основе правил и приемов словосложения; 2) соответствующие по своему лексическому значению, грамматической функции и, за редкими исключениями, по ритмико-интонационной организации простому слову...» [9, 45]. Из приведенных определений становится ясным, что при дефиниции сложного слова (композиита) тюрколога-языковеды исходят из следующих признаков цельноформленности: 1) семантическое единство при лексической знаменательности частей композиита, 2) стирание грамматических отношений между компонентами образования, 3) акцентологическое единство (наличие единого ударения).

Принципиальным для идентификации сложного слова является вопрос, насколько в структуре данного образования отображены синтаксические связи. Трудности проведения границ между сложным словом и словосочетанием, на наш взгляд, обусловлены следующими причинами [7]. Во-первых, слово и словосочетание имеют общие черты. Близость к слову ярко проявляется в возможности словосочетания выступать в качестве номинативного средства для обозначения субстанций, процесса и признака, т. е. словосочетание может выражать единое, хотя и сложное, понятие. Следовательно, словосочетания, отличаясь различной степенью спаянности своих компонентов, представляют собой грамматические единства, которые способны выступать в номинативной функции, что сближает их со словом. Во-вторых, подобная неопределенность анализируемых структур объясняется и самим характером атрибутивных словосочетаний, на базе которых образуются сложные слова. Заслуживает внимания на сей счет мнение А. И. Смирницкого: «Атрибутивная связь по своей прочности, по силе «сцепления» между ведущим и зависимым словом приближается к связи лексического характера. Стоит связать слова более тесно, и получается сложное слово. Атрибутивный комплекс стоит на грани сложного слова» [8, 176]. Подобная мысль может быть подтверждена и чувашскими примерами *сутсанталăк* 'природа, мир' или

пуихир ‘пустыня’. При слитном написании эти единицы орфографически и акцентологически едины и воспринимаются носителями языка как сложные слова. Стоит нам сделать паузу между отдельными словами в их составе при назывании, и мы получим свободные словосочетания *сут санталӑк* ‘ясная, солнечная погода’, *пуи хир* ‘голое, безлюдное место’.

Традиционно критериями отграничения сложных слов от словосочетаний признаются фонетический, семантический и орфографический признаки. Однако принимать данное положение за бесспорную истину не следует. Названные критерии работают избирательно и не являются универсальными для всех языков и для всех случаев возникновения сложных слов. Само сложное слово в разных языках характеризуется различными признаками, следовательно, критерии выделения их в различных языках должны быть разными. Так, например, для испанского языка поведение компонентов сложного слова при образовании множественного числа служит в качестве надежного критерия определения степени завершенности и незавершенности сложения основ. В грамматиках испанского языка на основе данного принципа выделяют законченные и незаконченные сложные слова. Если первый компонент сложного слова принимает форму множественного числа, то такое слово считается незаконченным сложным словом. Напротив, сложные единства, позволяющие образовывать множественное число только во втором элементе композита, считаются законченными сложными словами. Особенно уязвимо понятие цельнооформленности в орфографическом отношении. На данном критерии остановимся подробнее.

Изучение проблемы сложного слова в данном ракурсе также связано с разработкой большого комплекса проблем, а именно: 1) генезиса данных единиц, 2) семантики сложного слова, 3) связи словосложения с морфологическими и синтаксическими категориями, 4) раздельно- или цельнооформленности сложного слова, 5) орфографирования и лексикографирования данных полноправных единиц языка.

Так называемый орфографический принцип «опознавания» и «идентификации» сложных единиц, выражающийся в слитном написании их составных частей, вызывает самые противоречивые мнения и суждения среди лингвистов, изучающих словообразовательную и морфемную структуру слов в языках аналитического строя.

Одни полагают, что орфография является самым верным критерием для различения сложных слов и словосочетаний, другие (а их большинство) полагают, что слитное написание может быть достаточным, но не обязательным признаком при определении сложных слов. Относительно английской орфографии подобную мысль мы находим у О. С. Ахмановой: «... реальная цельнооформленность может находить, а может и не находить своего отражения в орфографии английского языка, почему орфография и не может быть использована в качестве критерия при решении этого вопроса (т. е. при установлении границ между словом и словосочетанием)» [3, 52]. Ряд исследователей существенным в этом вопросе считает степень совершенства орфографии того или иного языка.

Данный факт ставит исследователя перед необходимостью выявления причин исследуемого явления. «Источник этого произвола один – неверное представление понятия “сложное слово”, проистекающее от смешения логических и языковых категорий», – отмечал профессор И. А. Андреев, много занимавшийся вопросами орфографии чувашского языка. Он подчеркивал, что «при решении вопроса о слитном или раздельном написании основным и зачастую единственным критерием служила у нас семантическая сторона, а именно то, обозначает ли данный словесный комплекс одно понятие или два» [1, 153].

Непоследовательность слитного и раздельного написания анализируемых единиц продиктована рядом и других дополнительных факторов, а именно: а) недостаточной

изученностью вопросов словосложения во многих языках (в том числе и в чувашском), б) противоречивым характером самих исследуемых единиц, отсутствием в тюркологии единого взгляда на природу сложных слов.

Как было отмечено, для чувашской орфографии сложным и противоречивым является вопрос о слитном и раздельном написании. Речь идет о так называемых составных наименованиях – двучленных конструкциях, занимающих промежуточное положение между словосочетаниями и сложными словами. Именно с этой категорией номинативных единиц связано большинство трудностей, которые появляются при определении границ между композитами и свободными сочетаниями. Часто подобные конструкции фигурируют в слитном, раздельном или в дефисном оформлении даже в одном источнике. Разное написание сложных слов часто встречается и на страницах периодической печати.

Одной из основных причин несовершенства чувашской орфографии является также сложность и нерешенность центральной для всей лингвистики проблемы отдельности слова и разграничения слова и словосочетания. Многие двучленные образования (составные термины), являющиеся названиями отдельных предметов материальной и духовной культуры народа, названиями животных и растений и т. д., подавляющим большинством чувашских лингвистов признавались и до сих пор еще признаются не лексическими единицами, а словосочетаниями и фразеологизмами. По причине статусной неопределенности сложных слов многие из них выпали из поля зрения исследователей. До сих пор правила чувашской орфографии, регламентирующие этот раздел, были построены на ограниченном материале, т. е. на сравнительно небольшом количестве сложных слов с уже сложившимися написаниями.

В своде правил чувашской орфографии 1961 года была сделана попытка выработать определенные правила относительно разграничения композиты и синтагмы на основе следующих принципов:

- а) если сложное образование обозначает единое понятие и имеет новое значение, обычно отличающееся от суммы значений составных частей, то оно пишется слитно;
- б) если сложное образование не образует единого понятия, отличающегося от суммы значений составляющих частей, то компоненты этого образования пишутся раздельно.

Но это положение не смогло решить всех проблем, связанных со столь противоречивым вопросом. Если признать сложными словами лишь сочетания, которые принято писать слитно, тогда пришлось бы считать словосочетаниями многочисленные действительно сложные слова.

В последние десятилетия многие исследователи тюркских языков придерживаются мнения, что на современном этапе развития языков появление большого количества сложных слов связано не с перерождением отдельных словосочетаний, а действием модельного словообразования (формируется модель не из словосочетаний и их структурных моделей, а на базе готовых сложных слов, имеющих единое словообразовательное строение и типовое значение). Данное положение касается прежде всего сложных слов, соотносимых с изафетными сочетаниями, так как сложные слова именно этой модели в чувашском языке продолжают оформляться двояко. В чувашском языке четко выделяются сложные слова, образованные по первой словообразовательной модели и по второй словообразовательной модели. Сложные существительные первого структурного типа изафета представляют собой паратактическое сочетание определяемого и определяющего компонентов без специального морфологического их оформления, которым присуще простое соположение основ, т. е. путем постановки одного существительного возле дру-

гого возникает их подчинительная связь, где первый член является атрибутивным, а второй – субстантивным. Это терминологическая и иная лексика самого различного профиля (названия представителей животного и растительного мира, названия предметов хозяйственного обихода, этнографические и исторические понятия). Образование сложных слов из двух существительных без каких-либо формантов не является чем-то исключительным для чувашского языка. По этому поводу чувашский исследователь Н. А. Андреев заметил: «В строгой взаимосвязи с корневым состоянием лексики выработался грамматический строй языка в древнейшую эпоху. Этот строй, несомненно, находился долгое время в аморфном состоянии. При нем связи слов в предложении выражались не морфологическими средствами, а расположением слов в предложении. Помимо непосредственного аморфного сочетания слов, несомненно, было такое же аморфное сочетание слов при помощи особых вспомогательных, служебных аморфных слов. При именах употреблялись вспомогательные слова, выражающие местопребывание (внутри, вовне, в стороне, впереди, позади, внизу, вверху и пр.), направление (к месту или предмету, от места или предмета), зависимость или принадлежность и другие понятия» [2, 163–164]. В чувашском языке встречаются целые группы образований с повторяющимися компонентами *пуç* ‘голова’, *куç* ‘глаз’, *аса* ‘самец’, *ама* ‘самка’, *кун* ‘день’, *кил* ‘дом’, *çёр* ‘земля’, *сын* ‘человек’: *ака пуç* ‘предводитель сева’, *ака туй* ‘праздник сева’, *кил пуç* ‘хозяин дома’, *çыл куç* ‘родник’, *вай пуç* ‘предводитель хоровода’, *вил шыв* ‘мертвая вода’. Довольно многочисленны образования с повторяющимися компонентами *ай* ‘низ’, *си* ‘верх’, *ум* ‘перед’, *хыç* ‘зад’, *ен* ‘сторона’: *урай* ‘пол’, *хулай* ‘подмышки’, *хурайнай* ‘подберезовик’, *амайшай* ‘сосунок’, *ёçси* ‘страда’, *ялси* ‘деревенский мир’, *шывси* ‘поплавок’ и т. д. В некоторых древнейших образованиях в силу исторических факторов произошли фонетические изменения, в частности опрощение, и они пишутся слитно. Представляется, что абсолютное большинство образований данного типа в период своего возникновения имели ту же структуру, которую они имеют в настоящее время. Нет смысла соотносить их со словосочетаниями, которые якобы в результате лексикализации дали эти сложные слова. Мы склоняемся к мнению большинства исследователей тюркских языков о том, что большинство сложных слов создаются по старым образцам, по аналогии с теми моделями, которые уже давно существуют в языке и принадлежат к регулярным и продуктивным моделям. Даже в случаях *пуш хир* ‘пустыня’, *çут çанталăк* ‘природа’ мы склонны думать, что первичны сложные слова с понятиями «пустыня» и «природа», а попытки соотносить их со словосочетаниями необоснованны. «Все сложившиеся модели сложных слов обладают характером устойчивой конструктивной грамматической формулы. Носители языка осознают их как некий стереотип, по аналогии с которым они воспринимают и воспроизводят определенную группу производных слов, отличающихся друг от друга лишь по составу производящей основы и по индивидуальному лексическому значению, а по некоторым продуктивным моделям создают новые слова», – справедливо, на наш взгляд, подчеркивает известный тюрколог А. А. Юлдашев [12, 77]. Об этом говорят и новообразования нашего времени *хула çум* ‘пригородный’, *декан çум* ‘заместитель декана’ и т. д.

Примерно ту же картину мы наблюдаем в случае с моделью второго типа изафета. Эта модель предполагает оформление второго компонента аффиксами притяжательности *-е* и *-и*. Для чувашского языка этот способ образования сложных слов также является весьма продуктивным. Эти слова связаны с элементарным миропониманием человека и обозначают жизненно важные для их повседневной жизни понятия. Несомненно, самими древними в этой группе образований были названия древних божеств, старинных обря-

дов и праздников: *сёр аишӗ* ‘божество (отец) земли’, *сёр амӗшӗ* ‘богиня (мать) земли’, *сӗл сехмечӗ* ‘божество ветра’, *тур амӗшӗ* ‘богородица’, *така чӗкӗ* ‘название жертвоприношения’, *карта сыхчи* ‘хранительница подвория’, *хӗр йӗрри* ‘плач невесты’, *уй турри* ‘полевое божество’, *шыв пӗлӗхчи* ‘божество воды’ [4] и т. д. По данной модели образованы многочисленные названия, в том числе частей человеческого тела, представителей растительного и животного мира, термины материальной культуры, названия кушаний. В данной группе также встречаются архаичные элементы, семантическая мотивированность которых для современного языкового сознания затемнена: *кивпитти* ‘ветошь’, *вайпитти* ‘в полной силе’, *варвитти* ‘расстройство желудка’, *хӗр асси* ‘уродливый огурец’, *йыт хуххи* (название сорного растения) [4]. Относительно данной группы образований также возникают проблемы орфографического плана. Слитное оформление подобных образований чаще возникает там, где для этого есть благоприятные условия, среди которых и фонетические преобразования, и семантические изменения, и немногосложность компонентов, и частота употребления.

В настоящее время в большинстве тюркских языков композиты, соотносимые со вторым типом изафета, пишутся раздельно, хотя есть древние общетюркские слова, оформляемые почти везде слитно. «Этот процесс постепенный, – справедливо замечает исследователь татарского языка Ф. И. Тагирова, – вряд ли возможно стимулировать его искусственно, оформляя слитно те единицы, которые недостаточно отшлифованы самим языком» [10, 25], [11].

Резюме. Возникновение и формирование сложного слова есть долгий словообразовательный процесс. При анализе данных лингвистических единиц приходится учитывать и фонетический, и морфологический, и семантический принципы, а также некоторые факторы экстралингвистического плана. Орфография также не может стать единственно надежным критерием при определении данных единиц, она не должна допускать субъективизма, т. е. должна основываться не на умозрительных рассуждениях, а на объективных закономерностях функционирования языка и выводах из научных исследований. При этом должны быть максимально учтены грамматические и другие особенности исследуемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И. А. Орфография и язык. К спорным вопросам чувашской орфографии // Вопросы чувашской литературы и языка. – 1966. – Вып. 32. – С. 163–169.
2. Андреев Н. А. Ядро основного словарного фонда чувашского языка // Ученые записки ЧНИИ. – 1953. – Вып. 8. – С. 149–166.
3. Ахманова О. С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц (на материале английского и шведского языков) // Труды Института языкознания АН СССР. – 1954. – Т. 4. – С. 50–73.
4. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. – Казань ; Чебоксары : Чувашгосиздат, 1928–1950.
5. Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. – М. : Наука, 1982. – 150 с.
6. Егоров В. Г. Словосложение и значение его в истории языка // Ученые записки ЧГПИ. – 1953. – Вып. 1. – С. 7–58.
7. Семенова Г. Н. Композитообразование в чувашском языке и его национальная специфика. – М. : Прометей, 2005. – 317 с.
8. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. – М. : Изд-во лит. на иностр. языках, 1957. – 240 с.
9. Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. – М. : Изд-во вост. лит., 1961. – 131 с.
10. Тагирова Ф. И. Сложные слова в современном татарском языке: проблемы лексикографирования и орфографирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. – Казань, 2004. – 32 с.
11. Тагирова Ф. И. Лексикографирование и орфографирование сложных слов татарского языка. – Казань : Фикер, 2005. – 138 с.
12. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М. : Наука, 1972. – 416 с.